

Глава VIII

Политика Турции в Закавказье

ФРЕДДИ ДЕ ПАУ

1. Введение

Независимость бывших советских республик породила в Турции большие надежды. Турецкие политики, до недавнего времени лишь смутно представлявшие себе о существовании «других тюрок» в Советском Союзе, вновь открыли для себя Туран, мир 120 млн тюркоязычных. Независимость Азербайджана, Казахстана и среднеазиатских республик — Туркмении, Узбекистана и Киргизии, казалось, открыла путь к объединению всех тюркских народностей региона, включая тюрко-татарское население Российской Федерации. Создавалось впечатление, будто Турция сможет распространить свою модель как светского государства в исламском мире и укрепить свою стратегическую позицию как мост между Востоком и Западом. Она стремилась к ведущей роли в регионе от Адриатического моря до Китая, включая среднеазиатские республики, Кавказ, Причерноморье и Балканы. Наконец, Турция рассчитывала получить важные экономические преимущества от распада Советского Союза. Турки получили поддержку и из самого бывшего Советского Союза. Лидеры, подобные Исламу Каримову из Узбекистана, мечтали о едином парламенте великой Турции. Даже христиане-гагаузы в Молдове обращались к Анкаре за помощью.

Поддержка Западом планов Турции расширить свою сферу влияния была недвусмысленной. Во время «холодной войны» длинная общая граница Турции с Советским Союзом давала ей стратегически весьма выгодное положение в западном лагере. Она также была соседом противников Израиля: Сирии (с которой она имела территориальный спор) и Ирана. Турция вновь доказала ценность своего стратегического положения до и во время войны в Персидском заливе против Ирака. И, как страна, богатая водными ресурсами, она имела очень важное преимущество в своих взаимоотношениях со своими арабскими соседями. В ноябре 1992 г. «Уолл-стрит джорнэл» суммировал новое восприятие Турции в правящих кругах Запада таким образом: «Турция пытается помочь новым мусульманским странам стать светскими демократиями. Она выступает как мост между Западом, Балканами и Ближним Востоком. Она продолжает выполнять роль жизненно важного рычага безопасности Запада... В регионе, в котором имеются очаги застарелой вражды, где оружие имеет всякий, а этническое недовольство является обычным делом, дружба Турции жизненно важна для Запада как никогда»^[1].

Со времени прекращения существования Советского Союза прошло пять лет, и многие турецкие ожидания не осуществились. Турция столкнулась с серьезными препятствиями в распространении своей сферы влияния. Кроме нескольких миль общей границы — фактически моста, связывающего ее с Нахичеванью, азербайджанским анклавом в Армении, Турция отрезана от нового тюркского мира.

В культурной сфере налицо лишь ограниченные достижения. Например, в ходе своей поездки по этому «новому миру» весной 1992 г., премьер-министр Сулейман Демирель добился определенного успеха, обещав провести в страны региона турецкое спутниковое телевидение путем распространения на восток проекта теле вещания для турецкого населения в Германии. В Азербайджане и других местах Турция вела — и в декабре 1991 г. выиграла — алфавитную войну с Ираном и Саудовской Аравией за замену кириллицы латиницей, а не арабским шрифтом^[2]. Культурное единство тюркоязычного мира не следует переоценивать. На первом «тюркском саммите», состоявшемся в ноябре 1992 г. в Анкаре, для того чтобы участники смогли общаться друг с другом, пришлось приглашать русских переводчиков. Турецким посольствам в новых республиках пришлось нанимать месхетинцев — отуреченных грузин, которые были сосланы Сталиным в Среднюю Азию и рассматриваются там как «турки». Эти посольства столкнулись также со случаями «межтурецкой» вражды: в 1989 г. около сотни месхетинцев были вырезаны узбеками.

Турция обладает лишь ограниченными политическими и экономическими ресурсами для распространения своего влияния в бывшем Советском Союзе. Война, начатая для противодействия борьбе курдов за автономию, подорвала доверие в остальном мире к Турции как демократическому государству, соблюдающему права человека. Хотя Турции в основном удается пользоваться своими тесными связями с Западом, всегда есть опасность, что ее будут рассматривать как западное орудие. Да и турецкая экономика — с ее высокими темпами инфляции и структурной безработицей — находится в недостаточной форме для того, чтобы ответить на новый вызов.

Мечта, которую вынашивала Турция в 1991 г., — стать ведущей державой в регионе — не осуществилась. Эта неудача станет более явственной в свете турецкой политики в карабахском конфликте и на переговорах по нефти и нефтепроводам. В обоих случаях разрыв между ожиданиями и реальными возможностями оказался очевидным^[3].

2. Карабах

Турция не могла не занять собственной позиции в войне между Азербайджаном и Арменией за Нагорный Карабах. Вопрос был не просто дипломатическим: он перебрался и на аспекты внутренней политики, в которые был глубоко вовлечен президент Тургут Озал.

По очевидным географическим причинам Азербайджан образует главное звено между Турцией и Средней Азией. Наряду с Крымом он некогда являлся колыбелью пантюркизма, возникшего в среде тюркских интеллектуалов. Они разработали концепцию лингвистического и культурного единства, чтобы защитить себя от напора русификации при царском режиме. Эта идея была подхвачена их соседями в умирающей Османской империи и на короткий период ожила в Турции после падения Советского Союза. В 1991 г. какое-то время казалось, будто старые мечты могут претвориться в действительность.

Как только в 1991 г. Азербайджан стал независимым, лидеры этой республики установили тесные отношения с Турцией в целях получения технической и культурной помощи и создания противовеса российскому влиянию. Отношения между Азербайджаном и Турцией стали еще более интенсивными после победы на выборах в 1992 г. Абульфазы Эльчибея, кандидата Народного фронта. Эльчибей обещал, что страна Апатюрка будет всемерно участвовать в эксплуатации азербайджанских нефтяных богатств, за которые Турция уже воевала после первой мировой войны.

Но несмотря на свою победу в споре из-за алфавита в декабре 1991 г. и невзирая на культурные узы и риторику азербайджанского руководства, Турция в итоге все же оказалась сторонним наблюдателем последующих событий. В частности, она не смогла сыграть ведущую роль в армяно-азербайджанском конфликте. Получилось так, что турецким лидерам пришлось учитывать и иные факторы кроме своих отношений с Баку.

В первую очередь Турция стремилась наладить добрые отношения с Россией. Во-вторых, большая армянская диаспора во Франции и США, оказывавшая сильное давление в пользу Армении, препятствовала Турции в ее дипломатических усилиях по оказанию помощи Азербайджану. В-третьих, партнеры по НАТО не испытывали охоты идти на слишком большой риск в таком взрывоопасном районе. В-четвертых, нестабильная внутривластная обстановка в Турции не благоприятствовала амбициям правительства^[4].

В 1992 и 1993 гг. общественное мнение в Турции было потрясено сообщениями о массовых убийствах азербайджанцев армянскими боевиками. Эти события получили широкое освещение в турецкой прессе, и президент Тургут Озал говорил от имени многих турок, когда предупреждал армян, что Турция не будет сидеть сложа руки, глядя на их победы на азербайджанской территории. Когда в мае 1992 г. поступили сообщения о нападениях армян на азербайджанский анклав Нахичевань, в Анкаре серьезно обсуждалась даже возможность турецкой военной интервенции. Турция считала, что Карсский договор с Москвой 1921 г. давал ей право вмешиваться в конфликт о статусе нахичеванского анклава. Главнокомандующий объединенными вооруженными силами СНГ немедленно положил конец этим спекуляциям, объявив, что такая интервенция может вызвать третью мировую войну.

Сулейман Демирель, турецкий премьер-министр вплоть до кончины Озала в апреле 1993 г., был менее откровенен в речах, чем покойный президент Турции. Он даже навлек на себя гнев Баку, когда в начале зимы 1992 г. дал «добро» западной помощи «страдающей Армении». Ввиду азербайджанской блокады и взрывов бомб на нефтепроводах, ведущих из Грузии в Армению, в 1992 — 1993 гг. армяне переживали очень суровую, холодную зиму. Жители Еревана срубали все деревья, какие только могли найти. Армянская диаспора тем временем весьма эффективно организовывала материальную поддержку и оказывала давление на американское и французское правительство с тем, чтобы они оказали Армении помощь, в первую очередь топливом. Доставить ее можно было только через Турцию.

Разочарование азербайджанцев было особенно острым, когда летом 1993 г. армяне развернули весьма успешные атаки на азербайджанские позиции в Южном Азербайджане. Всю предыдущую зиму Турция держала открытыми свои границы для гуманитарной помощи, часть из которой, видимо, была использована в военных целях. По мнению многих азербайджанцев, это нанесло сильный удар по способности Турции вызывать к себе доверие и по ее престижу^[5].

Разрешение, данное Турцией на прохождение гуманитарной помощи Армении по ее территории, не помешало Демирелю оказывать Азербайджану любую дипломатическую поддержку, которую он был в состоянии оказать, особенно в ООН. Турция хотела не дать Ирану сыграть роль миротворца, а также не дать России укрепить свои позиции в Закавказье как военными, так и иными средствами. В тот же день, когда армяно-карабахские войска захватили Кельбаджар, Демирель заявил, что его страна желает установить хорошие отношения со своими соседями — Арменией и Азербайджаном — на одинаковых условиях^[6]. Реакция Турции на эту армянскую агрессию против Азербайджана была сильной, но лишь словесной. Большая часть заявлений турецких лидеров носила угрожающий тон. В апреле 1993 г. премьер-министр Демирель сказал, что никто не должен воображать, будто его страна бросит Азербайджан на произвол судьбы. Но он добавил, что Турция пытается решать эту проблему на холодную голову. Анкара действительно предприняла немало дипломатических инициатив, в основном в ООН и СБСЕ. Турция сообщила свои взгляды пяти постоянным членам Совета Безопасности ООН, заявив, что Армения не соблюдает резолюции ООН и что ее экспансионистская политика недопустима. Вместе с США и Российской Федерацией Анкара разработала план по Нагорному Карабаху в мае 1993 г., а позднее, в июле 1993 г., развернула, как писала турецкая пресса, «дипломатическое наступление». В таких сильных выражениях описывалась «телефонная дипломатия» Турции с президентом США Биллом Клинтон, президентом Российской Федерации Борисом Ельциным и французским президентом Франсуа Миттераном, а также призывы, обращенные к представителям Швеции, тогдашнего председателя СБСЕ, и Италии, председателя Минской группы СБСЕ. Тем временем Анкара использовала турецкие службы новостей для распространения взглядов Турции (спутниковое телевидение

на тюркский мир и создание Союза тюркских агентств мировых новостей, первое совещание которого прошло в Анкаре 8 и 9 апреля 1993 г.)^[7].

Состоявшийся в Стамбуле в июле 1993 г. саммит ЭКО (Организации экономического сотрудничества, в состав которой входили Турция, Афганистан, Иран, Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан, Пакистан и Азербайджан) предоставил еще одну возможность, чтобы осудить Армению и призвать к немедленному прекращению огня. Конференция состоялась сразу же после свержения Эльчибея Гейдаром Алиевым. В то время как большая часть стран-участниц была представлена главами государств, Азербайджан прислал на встречу заместителя премьер-министра Расула Гулиева. Пользуясь дипломатическими формулировками, Турция заявила, что Азербайджан «переживает внутренние конфликты и смену администрации»^[8].

Алиев сменил на противоположные ряд протурецких решений своего предшественника, среди них весьма важную нефтяную сделку. Он также принял решение о вступлении в Содружество Независимых Государств, надеясь, что Россия займет более сбалансированную позицию в азербайджано-армянском конфликте. После того как Алиев вернулся к власти, новый турецкий президент Демирель и его премьер-министр Тансу Чиллер подчеркнули важность добрых отношений с Россией. Тем временем акцент в двусторонних отношениях стал все более смещаться на проблемы, связанные с нефтью: транспортировку каспийской нефти в Средиземное море, эксплуатацию нефтяных месторождений и поставки российской нефти в Турцию.

Однако война в Нагорном Карабахе не прекращалась. После нападений армян на Физули и Джебраил, а также район вокруг Агдама Турция внесла этот вопрос на рассмотрение Совета Безопасности ООН 17 августа 1993 г. На своей сессии 18 августа Совет принял заявление, потребовавшее немедленного, полного и безоговорочного вывода армянских войск из только что оккупированных районов. В том же заявлении ООН также потребовала от Армении прекращения поддержки оккупационных сил и еще раз подтвердила территориальную целостность Азербайджана. Турция настаивала на том, что если Армения будет продолжать игнорировать это заявление, то необходимо будет принять санкции «против агрессоров». Однако Россия, вероятно, наложила бы вето на такое предложение о санкциях в Совете Безопасности. Россия не признавала Турцию в качестве участника переговорного процесса по Нагорному Карабаху: «Некоторые думают, что Турция должна заполнить вакуум... Вакуума не существует. Россия имеет значительные исторические, экономические и политические интересы в этом регионе», — разъяснил Альберт Чернышев, посол России в Анкаре, выступая в турецкой прессе в апреле 1993 г.^[9]

После падения Эльчибея в июне 1993 г. прошло некоторое время, прежде чем «новое» руководство в Баку направило четкие сигналы Анкаре, что его не следует рассматривать как простое орудие в руках российского руководства. Министр иностранных дел Азербайджана Гасан Гасанов

совершил краткий визит в Турцию 28—29 декабря 1993 г. Обе стороны «пришли к согласию о том, что применение силы для изменения границы азербайджанского анклава Нахичевань нарушает Карсский договор 1921 года»^[10]. Алиев был властителем Нахичевани, которая была его вотчиной даже в худшие (для него самого) периоды. Оппозиционные круги в Баку даже сетовали на засилье нахичеванцев в центральной структуре власти в Азербайджане. Отсюда важность нахичеванского вопроса на дипломатическом уровне. Но это явилось и сигналом из Баку Москве о том, что Карсский договор может быть использован в качестве дипломатического рычага для создания противовеса растущему российскому влиянию.

Вскоре после этого, с 8 по 11 февраля 1994 г., Гейдар Алиев посетил Турцию. Во время визита его сопровождала делегация в 80 человек, что отражало значение, которое он придавал более тесным отношениям с Турцией. Президент Демирель еще раз заявил, что Турция будет по-прежнему поддерживать «справедливые требования» Азербайджана на международных форумах. Он сурово осудил «армянские нападения» и — несмотря на то что Алиев ранее был видным руководителем КГБ и партийным лидером — обещал «помочь нашим азербайджанским братьям в их усилиях по восстановлению гражданского демократического государства после семидесяти лет напряженных ожиданий». Алиев заявил, что он желает вернуть потерянную территорию и пытается заручиться поддержкой Турции, США и России, чтобы покончить с войной за Нагорный Карабах мирными средствами. «Азербайджан обходится лишь своими солдатами и будет продолжать поступать так же... Я постоянно повторяю, что наши турецкие братья, наши друзья никогда не должны сомневаться в том, что мы никогда, ни при каких обстоятельствах не откажемся от независимости Азербайджана»^[11]. Для описания связующих их уз оба лидера воспользовались формулой «одна нация, два государства». В то же время Алиев попытался убедить турецких инвесторов в том, что его страна обладает большим экономическим потенциалом и безопасна для вложения капиталов.

После подписания «Партнерства ради мира» в Брюсселе 5 мая 1994 г. Алиев, как сообщала турецкая пресса, отправился прямо в Анкару для нанесения короткого «рабочего визита в целях обсуждения будущей политической и военной стратегии». В официальном заявлении Президентского пресс-центра Турции указывалось, что «на встрече между обоими президентами произошел всесторонний обмен мнениями по вопросам двусторонних отношений и региональных проблем». Демирель снова повторил, что нападения армян на Азербайджан «нарушают стабильность в регионе» и «должны быть прекращены»; он выразил поддержку Минской группе СБСЕ. Демонстрируя тесное сотрудничество с Турцией, с которой Россия вела ожесточенный спор по нефтяным вопросам, Алиев надеялся убедить Москву использовать свое влияние в отношении Армении^[12]. Вскоре после этого Демирель посетил с государственным визитом Украину, где призвал крымских татар «действовать осторожно». Он хотел продемонстрировать умиротворяющую роль, которую могла бы сыграть Турция в бывшем

Советском Союзе. В Молдове Демирель обсуждал вопрос о гагаузах — народе тюркского происхождения, который часто характеризуют как связующее звено между Турцией и Молдовой. Москва была недовольна турецкими контактами на высоком уровне с отколовшейся Чеченской Республикой, рассматривая их как форму поддержки сепаратистского руководства Дудаева.

В то же время Турция налаживала более тесные связи с Ираном. 13 июня 1994 г. в Анкаре началась турецко-иранская встреча в верхах по вопросам терроризма с участием турецкого министра внутренних дел Нахита Ментесе и иранской делегации во главе с Али Мухаммедом Бесарати^[13]. 25 июля Демирель с трехдневным визитом посетил Тегеран. Кроме «вопроса о террористах» (турецких курдах и членах иранской партии «Моджахедин-е-хальк») обсуждались и другие двусторонние и региональные темы: Нагорный Карабах и проекты прокладки нефтепроводов для азербайджанской и казахской нефти.

Турция не смогла помешать растущему российскому влиянию в Закавказье. Генерал Доган Гюреш, начальник генштаба турецких вооруженных сил, заявил о том, что готов послать в зону карабахского конфликта столько солдат, сколько попросит правительство Азербайджана^[14] «Мы не допустим введения турецких войск» — такова была немедленная реакция Павла Грачева, который добавил: «Россия имеет собственные интересы в Азербайджане».

3. Нефтяные интересы

Распад Советского Союза изнутри открыл перед Турцией новые перспективы не только в Средней Азии и Закавказье, но и в самой России, особенно в экономической области. Турция предоставила России кредит в 1,15 млрд долл. В 1994 г. более 250 турецких фирм работали на российском рынке, особенно в строительном бизнесе. Россию смело можно назвать важнейшим торговым партнером Турции в СНГ: ее объем торговли с Россией в пять раз превысил объем торговли Турции со всеми тюркскими республиками, вместе взятыми^[15]. В мае 1994 г. было заключено рамочное экономическое соглашение, но российские чиновники, которые должны были приехать в Анкару для его подписания, не прибыли. Это был не первый раз, когда Москва проявляла признаки раздражения, особенно по многим вопросам, связанным с нефтью.

Уже в советские времена нефтяные богатства Азербайджана и Казахстана являлись предметом борьбы между несколькими государствами и нефтяными компаниями. С помощью Эдуарда Шеварднадзе фирма «Шеврон» заключила крупную нефтяную сделку по месторождению Тенгиз в Казахстане. Турция рассчитывала получить свою долю нефтяных богатств каспийского региона путем участия в эксплуатации и транспортировке этой нефти к своему средиземноморскому побережью. В марте 1993 г., когда у власти был Эльчибей, между Турцией и Азербайджаном было заключено первое соглашение по нефтепроводу. Сырая нефть из Азербайджана (и

возможно, из Казахстана) должна была поступать по этому нефтепроводу через Иран в турецкий средиземноморский порт Джейхан. Проектная пропускная способность нефтепровода должна была составить 40 млн тонн в год (25 млн из Азербайджана и 15 млн из Казахстана). Так как нефтепровод должен был проходить через Армению, было как никогда необходимо положить конец неустройству в Закавказье. Поэтому Турция оказала давление на Эльчибея, с тем чтобы он принял турецко-российское мирное предложение. Турецкому проекту пришлось конкурировать с другими, как, например, с тем, за который выступала Грузия. Этот проект был связан с геополитическим риском иного рода. Он касался прокладки нефтепровода под Каспийским морем, по которому нефть транспортировалась бы из Азербайджана в грузинский морской порт Потти. Поддерживаемый Оманом «Консорциум Каспийского нефтепровода» предложил качать нефть из Казахстана в российский черноморский порт Новороссийск.

Россия резко выступила против любого проекта нефтепровода, при котором было бы допущено пренебрежение российскими интересами. Для нее предпочтительным вариантом являлся Новороссийск — черноморский порт, из которого нефть пошла бы через проливы Босфор и Дарданеллы к Средиземному морю. Турция отвергла этот проект как неподходящий по экологическим мотивам и соображениям безопасности. Согласно «Докладу о проливах», опубликованному в апреле 1994 г. совместно управляющими турецкой нефтяной компанией БОТАС и министерством транспорта, проливы уже столь тесны для движения судов, что любым дополнительным судам, особенно танкерам, следует запретить прохождение через них. Вывод турецкого доклада гласил, что ни маршрут Баку — Потти, ни маршрут Баку — Новороссийск не имеют будущего^[16].

После свержения Эльчибея нефтяная политика изменилась. Алиев отменил ряд решений по нефти своего предшественника, в правление которого был создан консорциум по эксплуатации прибрежной нефти. Консорциум состоял из американских компаний «Пеннзойл», «Макдермотт» и «Унокал», британской БП, норвежской «Статойл», турецкой ТПАО и азербайджанской ГНКАР. Алиев приостановил соглашения с ними вплоть до получения результатов дальнейшего изучения вопроса. Турецкая пресса сообщала в августе 1993 г., что Алиев в телефонном разговоре заверил турецкого президента Демиреля, что азербайджанское топливо пойдет по нефтепроводу в турецкие порты. Это сообщение пришло в момент, когда Азербайджан терпел серьезные поражения на поле битвы и Баку нуждался в дипломатической поддержке Турции. Алиев также нуждался в поддержке Москвы для оказания российского давления на Армению, для чего России нужно было убедить занять «более сбалансированную позицию» в конфликте.

Этого можно было добиться, лишь учтя российские нефтяные интересы.

Российской компании «Лукойл» была предоставлена 10-процентная доля в трех основных азербайджанских нефтяных месторождениях. Алиев

денонсировал соглашение, подписанное Эльчибеем с западными нефтяными компаниями.

Он хотел бы добиться для Азербайджана большей доли в поступлениях от нефти, чем те 30, что были обещаны правительству Эльчибея^[17]. С целью оказать давление на Москву в мае 1994 г. руководители азербайджанской государственной нефтяной компании одобрили решение, принятое иностранными нефтяными концернами на встрече в Стамбуле в пользу турецкого варианта транспортировки азербайджанской, казахской, а также российской нефти на мировой рынок. Турция старалась убедить Москву, что этот проект послужит российским интересам, выдвигая перед Россией перспективы расширения экономического сотрудничества в гораздо больших масштабах — Турция, например, предлагала импортировать большее количество российского нефтяного оборудования и военной техники.

Министерство иностранных дел Турции, государственная компания по строительству нефтепроводов БОТАС и ТПАО (Турецкая нефтяная партнерская компания) объявили на пресс-конференции 3 августа 1993 г.^[18], что проект прокладки нефтепровода через Грузию по всей территории Турции приобретает все больше сторонников среди нефтяных компаний, связанных с Азербайджаном. Кроме того, транзит через Армению утратил поддержку вследствие армянских военных операций в регионе. В августе 1993 г. турецкая газета «Хюрриет»^[19] сообщала, что ряд западных нефтяных компаний, принадлежавших к консорциуму (который должен был вести буровые работы на нефть в Азербайджане), провели сепаратное совещание в Лондоне, не известив ни азербайджанские власти, ни своего турецкого партнера БОТАС. На этом совещании возник альтернативный проект, предусматривавший маршрут от черноморского побережья Фракии до Саросского залива в Эгейском море. Турция заявила, что не имеет принципиальных возражений против этого варианта, но назвала его «неэкономичным». В довершение всего фирма «Оксидентал петролеум», которая работала независимо от консорциума, по сообщениям, настаивала на втором нефтепроводе — Баку — Грузия — Эрзерум — Средиземное море ввиду недостаточности одного нефтепровода для всей азербайджанской и казахской нефти^[20].

На той же пресс-конференции 3 августа турецкие должностные лица повторили, что интенсивное движение танкерного транспорта сделает жизнь в Стамбуле небезопасной. Около 5 млн тонн сырой нефти в год уже перевозится через проливы, но эта цифра может возрасти до 45 или 50 млн тонн в результате эксплуатации нефти в Азербайджане и Казахстане^[21]. В августе премьер-министр Тансу Чиллер приняла послов Германии, США и России, с тем чтобы разъяснить им необходимость более строгих правил перевозок через проливы. Она заявила российскому послу Чернышеву, что со времени подписания Конвенции Монтрё (1936 г.) положение во многом изменилось. В интервью газете «Хюрриет» от 7 августа 1993 г. посол России упомянул о весьма болезненном «курдском факторе» как о возможной угрозе для нефтепровода Баку — Джейхан. Будучи вызван в министерство

иностранных дел Турции, он сказал, что его слова не должны были рассматриваться как предостережение. Но на самом деле они прозвучали именно так.

Летом 1993 г. стало очевидно, что нефтяные богатства Азербайджана (и Казахстана) — их эксплуатация и транспортировка — стали превращаться во все более существенный элемент в отношениях между Москвой и Анкарой. Безопасность являлась важным фактором для западных компаний, которые весьма прохладно отнеслись к идее прокладки нефтепровода в Турцию через иранскую территорию. Конфликты в Закавказье, и особенно конфликт между азербайджанцами и армянами, были неразрывно связаны с нефтяными интересами. Москва могла использовать нестабильность в Закавказье как козырную карту в своих переговорах с Западом.

Постоянная работа нефтеочистительных заводов в российских портах поставила бы новые нефтяные государства в зависимость от России. Добиваясь проведения нефтепровода через свою территорию, турки бросали вызов российской экономической мощи в тот самый момент, когда Москва, как и Анкара, отчаянно нуждалась в твердой валюте, которая стала бы поступать от транспортировки нефти. В ноте, направленной в апреле 1994 г. Великобритании, Москва потребовала для себя права вето на любой проект разработки полезных ископаемых в каспийском регионе, утверждая, что без ее одобрения любая сделка была бы незаконной. Представитель «Бритиш петролеум» в Баку охарактеризовал этот российский демарш как «акцию политического затягивания вопроса, а не правовой шаг»^[221].

Катастрофа, происшедшая на Босфоре 14 марта 1994 г., когда греко-кипрский танкер «Нассия» столкнулся с зарегистрированным в греческой части Кипра грузовым морским судном «Шип Брокер», — что привело к гибели нескольких человек, — приводилась турецкой стороной в доказательство того, как опасно использовать проливы как «нефтяной путь» вблизи города с населением в 10 млн человек, каким является Стамбул. Анкара заявила, что с 1 июля 1994 г. окончательно вступают в силу новые правила судоходства по проливам^[231]. 25 мая Международная морская организация ООН (ИМО) одобрила турецкие предложения по пакету безопасности. Это рассматривалось Анкарой как крупная дипломатическая победа над Россией. Но Россия так легко не сдавалась^[241]. Российский министр энергетики Юрий Шафраник в июне 1994 г. предупредил международные нефтяные компании, что нефтяные и газовые инвестиции в районе Каспия чреватy риском ввиду отсутствия соглашения по разделу Каспийского моря^[251]. Позиция России, наряду с неустойчивым положением в Баку, завела переговоры между западным нефтяным консорциумом и азербайджанскими властями в тупик.

В июле 1994 г. в российской прессе циркулировали слухи о возможном свержении Алиева, который все еще отказывался подписать мирный план по Карабаху, выработанный под эгидой России, и не занимал ясной позиции по нефтяному вопросу. В печати России высказывались предположения, что

возвращение к власти азербайджанского лидера Аяза Муталибова будет отвечать российским интересам^[26]. В качестве возможных конкурентов западным интересам Алиев не стеснялся искать союзников в лице Саудовской Аравии, Омана и Ирана.

В интервью агентству Рейтер, данном 28 июня 1994 г., влиятельный советник премьер-министра Турции Тансу Чиллер по международной политике Волкан Вурал провел четкую связь между вопросом нестабильности на Кавказе и нефтяной проблемой, заявив: «Карабах стабилизируется, и мирные усилия имели бы позитивное воздействие... Альтернативы миру не существует. Обе страны [т. е. Азербайджан и Армения] истощены, и намечаются параметры решения — Карабах остается азербайджанской территорией, но с культурной автономией и связями с Арменией, с особым статусом, который предстоит согласовать». Вурал также подчеркнул, что Анкара не заинтересована в отстранении России от планов транспортировки нефти из Азербайджана на Запад^[27].

В этом контексте конфликты в Закавказье — главным образом война между азербайджанцами и армянами — стали всего лишь одним из факторов соперничества между Россией и Турцией; при этом в игре участвуют и ряд других важных игроков — нефтяные компании и государства, к которым они принадлежат. Россия использовала карабахский конфликт для оказания нажима на Баку, с тем чтобы он принял идею общего оборонного пространства стран СНГ, предоставил России большую долю будущих доходов от добычи нефти и согласился с маршрутом нефтепровода через Россию. Поскольку позиции Турции в самом регионе были гораздо слабее, чем у России, она использовала правила судоходства по Босфору для снятия возражений насчет недостаточной безопасности проливов, надеясь, что армяне уступят любому давлению, которое могло быть оказано Россией. Для Баку ставки в игре были наибольшими: уступить Москве значило пойти на серьезные ограничения своего суверенитета, но слабость Азербайджана в войне с Арменией наряду с тем фактом, что у Москвы были и другие союзники, на которых та могла опереться, не оставляли Баку большого выбора.

20 сентября 1994 г. консорциум из девяти членов во главе с фирмами «Бритиш петролеум» и «Статойл» согласился инвестировать около 8 млрд долл. США в течение 30 лет в разработку трех азербайджанских нефтяных месторождений (Азери, Чыраг и Гюнешли), которые содержат около 4 млрд баррелей. В результате этой разработки добыча нефти в Азербайджане утроилась бы. Но вопрос о том, как поставить нефть Каспийского моря на мировой рынок еще не был решен. Москва настаивала на российском маршруте нефтепровода, если не через Босфор, то путем транспортировки нефти из Новороссийска в Северную Турцию, а оттуда по нефтепроводу в турецкую гавань. На той же неделе министр строительства Болгарии Христо Тотев объявил, что решение о постройке нового нефтепровода из России в Грецию через болгарскую территорию будет принято к концу года. Нефть будет доставляться танкерами из Новороссийска в болгарский порт Бургас на Черном море, а затем будет поступать оттуда по нефтепроводу в

греческий порт Александруполис. Москва немедленно выразила свое отрицательное отношение к нефтяному соглашению от 20 сентября, подписанному в Баку.

Несмотря на то что российская компания «Лукойл» являлась одной из сторон, подписавших соглашение, представитель МИД России заявил, что Россия не признает этой сделки, «так как ресурсы Каспийского моря должны управляться совместно». Другими словами, никакой сделки без согласия России.

Это враждебное отношение просто подтверждает цели Москвы в данном районе. Россия желает реинтегрировать экономики стран бывшего Советского Союза на своих условиях. Она хочет удержать Азербайджан в своей орбите, рассматривая его как часть обширного экс-советского тюркского мира, в котором Москва опасается растущего влияния ислама и своего старого соперника Турции. Сентябрьское соглашение 1994 г. означало дальнейшую и значительную интернационализацию региона и его конфликтов. Азербайджанское руководство было убеждено в том, что вовлечение западных нефтяных компаний приведет к тому, что западные правительства будут в большей степени поддерживать Азербайджан в его борьбе с Арменией и Россией. Баку также был убежден в том, что не все в Москве разделяют оппозицию МИДа к этой сделке, что компания «Лукойл» легко преодолеет эту оппозицию и сможет убедить российское правительство занять более прагматичную позицию. Таким образом, благодаря нефти один из основных конфликтов в Закавказье — конфликт между Арменией и Азербайджаном — предстает теперь в ином ракурсе. Нефтяное богатство само по себе является важным спорным вопросом, и карабахский конфликт оказался переплетенным с ним. Для Баку это означало, что российский нажим усиливался по мере повышения ставок в игре, но в то же время Баку приобрел большие рычаги давления благодаря международному фактору. Отдавая России долю нефти по соглашению, мастерский игрок Алиев делал ставку на то, что российские дипломаты уступят нефтяному истеблишменту, что отразится на конфликте с Арменией. Но Москва, несомненно, будет продолжать оказывать давление на Баку с целью признания последним идеи общего оборонного пространства СНГ, вынуждая Запад, включая Турцию, также к ее принятию. Турция имеет слабые карты по сравнению с Россией. Она рассчитывает на прагматичные правительственные и деловые круги в России и на свое членство в западном альянсе, чтобы добиться геополитических и экономических приобретений в Закавказье.

^[1] Wall Street Journal, 1992. 20 November.

^[2] Об алфавитных войнах см.: Oleott Martha Brill. Central Asia's Catapult to Independence // Foreign Affairs. Summer 1992. P. 128.

^[3] См.: Le Monde. 1993. 9 January.

- [4] См.: Тамара Драгадзе в: Le Monde Diplomatique. May 1993. P. 23.
- [5] См.: Hurriyet. 1992. 13, 24, 25 and 27 November.
- [6] См.: Тамара Драгадзе в: Le Monde Diplomatique. May 1993. P. 23.
- [7] См.: Newspot. 29 July 1993.
- [8] Ibid. 1993. 15 July.
- [9] См.: Milliyet. 1993. 14 April.
- [10] См.: Newspot. 1994. 19 January.
- [11] См.: Newspot, 23 February 1994.
- [12] Ibid. 1994. 13 May.
- [13] См.: Hurriyet. 1994. 14 June.
- [14] См.: Moscow News. 1994. 15 July.
- [15] См.: The Independent. 1993. 11 June.
- [16] См.: Newspot. 1993. 8 April.
- [17] См.: Assoc. Press. 1993. 10 August.
- [18] См.: Newspot. 1993. 12 August.
- [19] См.: Hurriyet. 1993. 11 August.
- [20] См.: Cumhuriyet. 1993. 16 August.
- [21] См.: Financial Times. 1993. 9 September.
- [22] См.: Moscow News. 8 July 1994.
- [23] См.: Financial Times. 1994. 15 March; Independent. 1994. 15 March.
- [24] См.: Reuters. 1994. 7 July.
- [25] Ibid. 1994. 23 June.
- [26] См.: Moscow News. 1994. 22 and 29 July.
- [27] См.: BBC Summary of World Broadcasts. 1994 30 June; Middle East Economic Digest. 1994. 4 July.